и не обращая на нее никакого вниманія, видно было, что онъ знаетъ о своей власти надъ ней и о томъ, что она отъ него не уйдетъ. И Ганка чувствовала эту его власть, и еще больше оттого, что все время, не переставая, думала о томъ, что у нея можетъ отъ него родиться ребенокъ. Страхъ этого подчинялъ ее ему, и она должна была идти за нимъ, куда-бы онъ ни повелъ ее.

Скоро изъ освѣщенной части города они перешли въ темную, глухую улицу, гдѣ къ Николаю присоединились двое уже знакомыхъ Ганкѣ фабричныхъ рабочихъ. Они втроемъ ушли впередъ, о чемъ-то тихо говорили и громко смѣялись, оглядываясь назадъ. Ганка шла за ними, и ей становилось все холоднѣй и страшнѣй, дрожь пронизывала все тѣло, и зубы начинали стучать. Ее безпокоили и пугали приставшіе къ Николаю двое рабочихъ, съ которыми у него, очевидно, эта встрѣча была условлена. Они что-то задумали, нехорошее и страшное, это видно было по тому, какъ они оглядывались на Ганку и о чемъ-то таинственно переговаривались между собой. Она хотѣла повернуть и убѣжать отъ нихъ, и не имѣла силъ сдѣлать это, потому что кругомъ было темно, безлюдно, страшно. И она шла, едва передвигая ноги, и сердце отъ страха все замирало и падало.

Пришли на какую-то большую, глухую пустошь, гдѣ стояла посрединѣ одна только старая, кривая избенка. Вдали поднимались къ небу тучи багрово краснаго дыма, въ которомъ мрачно чернѣлись высокія заводскія трубы. У дверей избы Николай сказалъ своимъ спутникамъ:

— Уговоръ дороже денегъ: съ рыла—по бутылкѣ.

— Ладно, отвѣтили тѣ.

Какимъ-то крючкомъ отперли дверь, вошли, зажгли маленькую съ закопченнымъ стекломъ лампочку. Пріятели Николая вынули изъ боковыхъ кармановъ пиджаковъ по бутылкѣ водки и со стукомъ поставили на столъ.

Ганка стояла въ дверяхъ, не рѣшаясь войти, не понимала, что это будетъ, дрожала и стучала зубами. И вдругъ страшная мысль, какъ ножемъ полоснула ее по сердцу. Всѣ трое смотрѣли на нее, и отъ ихъ взглядовъ у нея захолонуло сердце и потемнѣло въ глазахъ. Она повернулась и пустилась бѣжать. Они бросились за ней съ крикомъ, гиканьемъ и свистомъ. Ганка бѣжала, спотыкаясь въ темнотѣ о какія-то бревна, камни, кочки. Ноги у нея подкашивались, сердце билось такъ сильно, что духъ захватывало. „Господи, помоги... Господи, ратуй...“—молилась она про себя, чувствуя, что выбивается изъ силъ и вотъ-вотъ упадетъ.

— Стой, подлая, убью!.. хрипло ревѣлъ Николай.

— Ату ее! орали его пріятели.

Кто-то изъ нихъ пустилъ камень, который прожужжалъ надъ ухомъ Ганки и мягко упалъ, гдѣ-то недалеко въ траву. Другой камень попалъ ей въ ногу. Она почувствовала сильную боль въ бедрѣ правой ноги, споткнулась о что-то, сдѣлала еще два шага и со стономъ упала лицомъ въ мокрую траву. Сзади, совсѣмъ близко, раздался радостный, торжествующій смѣхъ, похожій на ржанье лошадей. Она хотѣла подняться, но кто-то тяжелымъ кулакомъ оглушилъ ее по головѣ, и она опять ткнулась лицомъ въ траву и потеряла сознаніе. . . . .

Очнулась Ганка отъ острой боли, какъ-будто ея тѣло рѣзали и рвали на куски. Она застонала и рванулась, но на груди какъ-будто лежала стопудовая тяжесть, и давила и не пускала ее. Открыла глаза — и увидѣла прямо передъ собой чье-то бородатое лицо и глаза, налитые кровью. Кто-то хрипѣлъ, тяжело дыша и обдавая ее отвратительнымъ запахомъ табаку и водки. Она забилась, какъ въ смертельной агоніи, и отъ ужаса и боли опять лишилась чувствъ . . . .

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вл. Ленскій.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

Весьма сходную, во многихъ отношеніяхъ, картину будущаго строя даетъ и Фурье [1]). Для Фурье, какъ и для Оуэна соціальный вопросъ есть вопросъ о наилучшей организаціи общины, коммуны.

Коммуна и въ современномъ обществѣ является самымъ важнымъ соціальномъ элементомъ; но она не организована, и потому общественное хозяйство идетъ такъ плохо. Коммуны—это камни, изъ которыхъ строится общественное зданіе. Если камни не отесаны, не пригнаны другъ къ другу, то для ихъ скрѣпленія нужно много цемента; напротивъ, для хорошо отесанныхъ камней не требуется большого количества скрѣпляющаго матеріала—они держатся собственною тяжестью. При дурномъ устройствѣ или полномъ неустройствѣ коммуны требуется много чиновникомъ, сильная правительственная власть, сложная администрація для того, чтобы общественная машина могла работать: при хорошемъ устройствѣ коммуны правительству останется мало дѣла. Не правительство, а коммуна создаетъ богатство—вотъ почему и главное вниманіе соціальныхъ реформаторовъ должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна безсодержательность политическихъ революцій, направленныхъ къ преобразованію формы правленія и оставлявшими незатронутымъ самый важный соціальный элементъ—коммуну.

[1]) Шарль Фурье (1772—1837) одинъ изъ геніальнѣйшихъ представителей французскаго соціализма. Не обладая систематическимъ образованіемъ, и будучи долгое время приказчикомъ въ разныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, онъ обнаружилъ въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ трудахъ поразительную силу мысли и удивительную творческую фантазію. Онъ съ такой яркостью и богатствомъ красокъ нарисовалъ строй будущаго, какъ это не удалось никакому другому соціалисту. Всю жизнь онъ прожилъ въ крайней бѣдности и почти въ полномъ одиночествѣ; только подъ конецъ жизни вокругъ него сгруппировалась небольшая кучка вѣрныхъ учениковъ.

Важнѣйшей задачей всякой общественной организаціи является созданіе богатства, матеріальной основы прогресса. Если мы обратимъ вниманіе на организацію хозяйства въ современномъ обществѣ, то увидимъ, что въ немъ имются два различныхъ вида хозяйства: крупное, при помощи наемнаго труда, и мелкое, при помощи труда собственника. И тотъ, и другой видъ хозяйства имѣютъ свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше въ техническомъ отношеніи, но зато въ немъ рабочій не заинтересованъ въ результатахъ труда и работаетъ плохо. Мелкое хозяйство стоитъ на низкомъ техническомъ уровнѣ, но зато въ немъ человѣкъ трудится самъ для себя.

Задача въ томъ, чтобы воспользоваться преимуществами крупнаго производства и не утерять выгодъ мелкаго. Образцовая коммуна должна удовлетворять поэтому слѣдующимъ требованіямъ: 1) собственность не должна быть въ ней раздроблена; 2) всѣ земельные участки коммуны и всѣ отрасли промышленности должны эксплоатироваться въ ней по общему плану; 3) система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ продуктахъ своего труда, должна быть замѣнена системой общаго участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціонно участію каждаго въ производствѣ.

Нужно создать ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семей (Фурье беретъ 300 семействъ), которая могла бы совмѣстно вести хозяйство. Для этого не требуется лишать собственности кого бы то ни было. Собственникъ не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоціаціи, такъ какъ, взамѣнъ своей собственности онъ получаетъ акціи, доходъ которыхъ, по разсчетамъ Фурье будетъ несравненно выше, чѣмъ доходъ съ собственности при единоличномъ владѣніи.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называетъ фалангой, а соціальный дворецъ, который предназначенъ для жизни членовъ фаланги,—фаланстеромъ.

Хозяйство фаланги не будетъ имѣть коммунистическаго характера. Коммунизмъ стремится къ полному равенству, отрицаетъ права капитала и таланта, и признаетъ только права труда. Коммунизмъ разсчитываетъ достигнуть общаго довольства не путемъ согласнаго, гармоническаго развитія всѣхъ страстей человѣка, а путемъ подавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ наиболѣе содѣйствующихъ матеріальному и умственному прогрессу, каковы—стремленіе къ превосходству, честолюбіе, жажда богатства и пр.

Основанная идея коммунизма есть не болѣе, какъ половина соціальной идеи,—именно, принципъ коллективности, ассоціаціи, и притомъ въ своей грубой, неразвитой формѣ, точно такъ же, какъ основная идея современнаго строя—принципъ частнаго почина—есть другая половина соціальной идеи. Гармоническое соединеніе этихъ двухъ несовершенныхъ элементовъ въ высшемъ и сложномъ сочетаніи должно быть основной идеей ассоціаціи будущаго, фаланги.

Частная собственность въ фалангѣ отнюдь не уничтожается, но только принимаетъ иную форму—форму права участія въ общихъ доходахъ, а не права исключительнаго пользованія тѣмъ или инымъ орудіемъ производства. Послѣднее право естественно отпадаетъ, такъ какъ производство въ фалангѣ ведется сообща; предметы потребленія могутъ однако принадлежать отдѣльнымъ лицамъ. Вообще личная свобода въ фаланстерѣ не испытываетъ никакого ограниченія. Каждый живетъ, какъ хочетъ, можетъ обѣдать въ собственномъ углу и не принимать участія въ общихъ обѣдахъ, если этого пожелаетъ, хотя собственная выгода и должна побуждать его къ участію въ общественной организаціи потребленія, которая представляетъ такія же огромныя преимущества, какъ и общественная организація производства. Именно въ виду выгодности производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, и то, и другое будетъ организовано въ фаланстерѣ на общественныхъ началахъ.

Фурье подробно описываетъ, какія огромныя сбереженія получатся, если сотни отдѣльныхъ меленькихъ кухонъ будутъ замѣнены одной огромной кухней въ фаланстерѣ, если сотни прачечныхъ, кладовыхъ, подваловъ будутъ соединены въ одно огромное цѣлое въ будущей коммунѣ. Политико-экономы обыкновенно съ презрѣніемъ относятся къ организаціи домашняго хозяйства: это кажется имъ дѣломъ мелкимъ, ничтожнымъ. На самомъ же дѣлѣ трудно и оцѣнить, какая масса капитала и труда безполезно растрачивается, благодаря раздробленію потребленія.

Что касается до преимуществъ общественнаго производства, какъ оно будетъ организовано въ фалангѣ, то выгоды его должны быть еще больше. Всѣмъ извѣстно, что крупная промышленность вытѣсняетъ мелкую именно благодаря большей производительности труда въ крупномъ производствѣ. Но фаланга будетъ имѣть одно важное преимущество передъ современнымъ крупнымъ предпріятіемъ: именно—ей будетъ выгодно вводить такія машины, такіе усовершенствованные пріемы производства, которые не могутъ быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствуетъ низкая заработная плата (дѣлающая ручную работу